

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

И.И. Блауберг

КОНЦЕПЦИЯ КОНТИНГЕНТНОСТИ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В ФИЛОСОФИИ ЭМИЛЯ БУТРУ

Блауберг Ирина Игоревна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: irinablauberг@yandex.ru

В статье рассматривается концепция контингентности природы и научных законов, выдвинутая и изложенная в ряде работ французским философом-спиритуалистом Эмилем Бутру (1845–1921). Принцип контингентности стал для него важным инструментом в решении сложных взаимосвязанных задач: 1) обосновать спиритуализм, в том числе его ключевую идею свободы, с опорой на научное знание эпохи, когда вопросы философской эпистемологии приобретали все большее значение; 2) тем самым способствовать обновлению метафизики, которой грозила маргинализация в связи с продвижением идей позитивизма и сциентизма. Рассматривая иерархию родов, или уровней, бытия, а также соответствующих им законов, Бутру стремился доказать, что в мире господствует отнюдь не жесткая необходимость, а контингентность. Соответственно, в научных законах существует определенная доля условности, которая возрастает по мере движения от низших ступеней бытия, наиболее близких к материи, где сильнее всего проявляет себя детерминизм, до высших ступеней, где основную роль играет духовное начало с присущей ему свободой. Именно эта свобода, которую невозможно постичь в опыте, выражается в контингентности, являющейся характерной чертой бытия. Тем самым принцип контингентности предстает в концепции Бутру главным принципом познания и объяснения в философии, который позволяет вернуть метафизике ее значение, отрицавшееся позитивизмом, и обосновать человеческую свободу.

Ключевые слова: французская философия, спиритуализм, Эмиль Бутру, контингентность, эпистемология

Для цитирования: Блауберг И.И. Концепция контингентности и ее значение в философии Эмиля Бутру // Философский журнал / Philosophy Journal. 2024. Т. 17. № 3. С. 5–19.

Французский спиритуализм XIX в., во многом восходящий к идеям Мен де Бирана¹ и ставший в ту эпоху одним из наиболее влиятельных на родине Декарта течений мысли, – это особая форма философии духа, которая дала начало целому ряду философских концепций XX столетия. В этом течении

¹ См.: Кротов А.А. Философия Мен де Бирана. М., 2000.

выделяют две линии, связанные, соответственно, с именами Виктора Кузена, основоположника эклектического спиритуализма, и Феликса Равессона, чье учение во многих отношениях противостояло кузеновскому. Именно вторая линия со временем привела к Бергсону, идеи которого оказали значительное влияние в том числе и на философию науки. Но если о Бергсоне в данном плане написано уже немало работ², то его непосредственному предшественнику, Эмилю Бутру, повезло гораздо меньше – о его учении вспоминают сегодня довольно редко³. Между тем его роль в развитии философии, в частности эпистемологии, во Франции была весьма заметной, и причиной тому стала прежде всего выдвинутая им концепция контингентности научных законов.

Эмиль Бутру (1845–1921) был одним из наиболее известных во Франции второй половины XIX в. – первой четверти XX в. философов-спиритуалистов. Его карьера, которая поначалу складывалась вполне традиционно: обучение в лицее в Париже, затем в Высшей нормальной школе – «кузнице» преподавательских кадров, – позже сделала особый поворот, сильно повлиявший на дальнейшую его деятельность. Ему представилась редкая в ту пору возможность продолжить образование в Германии, в Гейдельбергском университете, где он познакомился с новейшими тенденциями немецкой философии, в том числе с неокантианством. После возвращения на родину он несколько лет преподавал в провинции, затем вернулся в Париж, был профессором в своей alma mater, потом в Сорбонне. Член Академии моральных и политических наук (1898), Французской академии (1912). Благодаря своему авторитету в интеллектуальных кругах Франции Бутру успешно выполнял роль посредника в международных контактах: участвовал в международных философских конгрессах и конференциях, выступал с курсами лекций в Европе и в США, где, в частности, познакомился с У. Джеймсом, о котором позже написал книгу⁴. Бутру был известен и в России: ряд его работ (в том числе несколько книг) вышли в русском переводе в 1900–1912 гг.⁵ У него было немало учеников: в их числе – Морис Blondel, Леон Брюншвик, Абель Рей, Луи Кютюра.

Среди его идейных предшественников назовем, помимо Бирана и Равессона, также Жюль Лашелье, который был наставником Бутру в Высшей нормальной школе и своими лекциями о Канте пробудил интерес ученика к идеям немецкого мыслителя. Как и Лашелье, Бутру относят к французскому неокантианству. Действительно, Кант стал для него одной из важнейших фигур в философии, и к общим спиритуалистическим установкам, которые Бутру разделял, присоединилось влияние Канта с его акцентом на роли субъекта в познании⁶. Однако кантовский дуализм Бутру не мог принять: это

² См., например: *Annales bergsoniennes*. III: Bergson et la science. Paris, 2007.

³ Далее мы приведем ряд работ зарубежных исследователей. В отечественной литературе назовем статью: Дроздова Д.Н. Преломления а priori во французской мысли: Эмиль Бутру и Элен Мецжер // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2013. № 15. С. 42–57.

⁴ Бутру Э. Вильям Джемс и религиозный опыт. М., 1908.

⁵ Бутру Э. О случайности законов природы. М., 1900; *Он же*. Наука и философия // Логос. 1910. № 1. С. 62–85; *Он же*. Паскаль. СПб., 1901; *Он же*. Наука и религия в современной философии. М., 1910; *Он же*. Об отношении философии к науке // Новые идеи в философии. Сб. 1. СПб., 1912. С. 29–54.

⁶ См.: *Ca peillères F. Généalogie d'un néokantisme français à propos d'Émile Boutroux* // *Revue de métaphysique et de morale*. 1998. No. 3. P. 405–442.

противоречило позиции спиритуализма, согласно которой между сознанием человека и духовным началом универсума существует глубинное родство, а потому субъект, погружаясь в глубины собственного сознания, может посредством аналогии или интуиции делать достоверные выводы о сущности реальности. А поскольку человек сознает себя свободным, то это, по убеждению спиритуалистов, подтверждает, что свобода является сущностной характеристикой духа.

Одной из важнейших проблем, которая разрабатывалась в рамках данного варианта спиритуализма, было отношение духа и природы. В учении Бутру эта тема выступила в особой форме. Перед ним с самого начала встала задача обосновать положения спиритуализма, в том числе идею свободы, с опорой на научное знание его эпохи, решить вопрос о том, как соотносятся свобода и законы природы. Такая тенденция вполне понятна: в эпоху бурного развития наук, а также формирования и продвижения позитивизма, которому спиритуализм во многом противостоял, хотя и усваивал некоторые его идеи, на первый план все больше выдвигались проблемы отношения философии и науки, т.е. вопросы философской эпистемологии. Как признавали спиритуалисты, наука в эту эпоху перестала быть единой. Бутру неоднократно отмечал, что она уже не была той ньютоновской наукой, на которую опирался Кант, а потому критическое исследование наук приводило к иным выводам⁷. С развитием наук о жизни, психологии, использовавшей экспериментальные методы, а также социологии, все более усиливалась дифференциация наук. В статье «Философия во Франции с 1867 г.» Бутру описывал этот процесс как довольно парадоксальную ситуацию, когда место единой философии занимали во многом обособленные друг от друга философские науки, имевшие разные экспериментальные основания, причем каждая из них стремилась выступать как универсальная философия⁸. Вследствие этого гуманитарные науки приобретали все больший авторитет, вторгаясь на эпистемологическое поле, которое раньше занимала философия, и все острее формулировалась задача разграничения предметов и функций, определения собственной роли философии. А для этого требовалось, по Бутру, прежде всего заняться критическим исследованием науки и научного знания, по-новому истолковать отношения философии и науки, что позволило бы их примирить, доказав при этом значимость философии, утверждавшей приоритет свободы.

Философские интенции Бутру были тесно связаны с более широкой задачей – возрождением на новой основе метафизики, которой грозила маргинализация под напором позитивизма. Эта ситуация живо обсуждалась во французской философии второй половины XIX в.⁹, что в 1893 г. привело

⁷ См.: *Boutroux É.* La philosophie de Kant. Cours professé à la Sorbonne en 1896–1897. Paris, 1926. P. 268.

⁸ См.: *Boutroux É.* La philosophie en France depuis 1867 // *Revue de métaphysique et de morale.* 1908. Т. 16. No. 6. P. 685.

⁹ Приведем свидетельство известного французского историка философии Эмиля Брейе: «К 1880 году французская философия стала очень робкой: под влиянием позитивизма и кантианства, которые тогда начали преобладать, она утратила стремление достичь всеобъемлющей концепции вселенной; она больше не отваживалась ставить проблему происхождения и судьбы человека; она позволяла себе говорить, что метафизика – это воображение без фантазии, своего рода абстрактный и обесцвеченный миф... Спиритуализм примерно в те годы еще сохранялся, но в нем было что-то скучное, что часто встречается в произведениях того времени; потеряв интерес к наукам о природе, он хотел оставить за собой разум как отдельную область, которую ему пришлось бы защищать,

к созданию специального журнала «Revue de métaphysique et de morale», с которым Бутру активно сотрудничал. В 1908 г. он отмечал, что деятельность этого журнала повлекла за собой подъем философской активности: по его словам, уже в целом отвергаются «эkleктизм и абстрактная диалектика, нацеленные на конституирование философии путем простой разработки и упорядочения понятий, заимствованных главным образом из уже существующих систем». Философы, продолжал он, оказываются перед лицом фактов, данных науки, условий человеческой жизни и, продолжая дело учителей, не заимствуют части их учений, чтобы выстроить более или менее новое здание, а вдохновляются «духом свободного и живого исследования»¹⁰.

Это изменение интеллектуальной ситуации современники считали во многом заслугой самого Бутру, чья концепция, по словам Леона Брюншвика, обозначила «точку разрыва в эволюции философской мысли» во Франции¹¹. Его позиция противостояла не только позитивизму, но и «традиционному» спиритуализму, отрывавшему дух от материи, что препятствовало стремлению Бутру и его ближайших предшественников, напротив, связать дух и материю, а тем самым обосновать возможность сотрудничества философии и науки. Как отмечает Дидье Жиль, «для того, чтобы быстрое развитие философии природы не ввергло окончательно философию в сциентистский материализм, требовалось как можно быстрее положить конец эkleктизму, продвигая не-спекулятивную метафизику»¹². Такую метафизику, построенную на осмыслении научного знания, стремился создать Бутру.

Предшественники сыграли важную роль в формировании взглядов Бутру, в том числе его концепции контингентности, т.е., говоря кратко, отсутствия необходимости, жесткого детерминизма, в законах природы. Здесь требуется одно терминологическое пояснение. В русскоязычных изданиях работ Бутру французское слово *contingence* часто переводилось как «случайность», но такой перевод неточен. Хотя у *contingence* есть и такое значение, но во французском языке существует и другой термин, обозначающий случайность, – *hasard*. Для Бутру важно было подчеркнуть именно отсутствие необходимости¹³. Термин «контингентность» употребляли во Франции и до него¹⁴, в том числе Лашелье и Равессон, когда рассуждали об отношениях философии и науки, но именно у Бутру данная тема стала центральной.

а не расширять... Понимаемая таким образом философия предполагала разделение человеческой деятельности на отдельные группы с очень узкими границами, которые должны соблюдаться определенными соглашениями; область метафизики отделена от области природы, а ее объекты, душа или Бог, далеки от нас и от нашего опыта... эта анемичная и боязливая мысль... не могла прельстить молодого философа» (*Bréhier É. Notice sur la vie et les travaux de Henri Bergson*. URL: <https://academiesciencesmoralesetpolitiques.fr/1946/03/11/notice-sur-la-vie-et-les-travaux-de-henri-bergson> (дата обращения: 15.01.2024).

¹⁰ *Boutroux É. La philosophie en France depuis 1867*. P. 686.

¹¹ *Brunschvicg L. La philosophie d'Émile Boutroux // Revue de métaphysique et de morale*. 1922. T. 29. No. 3. P. 270.

¹² *Gil D. La philosophie de la nature d'Émile Boutroux // Philosophies de la nature*. Paris, 2019. URL: <https://books.openedition.org/psorbonne/15333> (дата обращения: 10.11.2023).

¹³ В случайности Бутру видел хаотическую произвольность, беспричинность, которая проявляется, например, в чудесах; с так понимаемой случайностью, считал он, наука не может работать. Контингентность, как мы увидим, предполагает причинность, но особого рода, не являющуюся необходимой.

¹⁴ Брюншвик упоминает в связи с этим Конта, Курно и Ренувье, чьи концепции создали определенную основу для Бутру, но отмечает в их учениях очевидные границы, за которые Бутру удалось выйти.

Интересно, что он начал ее разрабатывать, когда, вернувшись из Германии, несколько лет преподавал в лицее города Кан (1870–1874). Этот период был для него очень плодотворным: здесь он много общался со своим соучеником по Высшей нормальной школе и другом – математиком Жюлем Таннери, который впоследствии стал известным историком науки и философии. С ним и его старшим братом Полем, тоже математиком, чьи интересы также лежали в области истории науки, Бутру обсуждал ситуацию в философии, ее отношения с науками. Братья Таннери были первыми читателями и критиками его диссертации¹⁵. В это же время он познакомился с Анри Пуанкаре, сестра которого Алина стала его женой (их сын Пьер впоследствии проявил себя как талантливый математик). Таким образом, сам круг дружеского общения, в который оказался вовлечен Бутру, способствовал его философским исследованиям.

Эпистемологическая линия стала ведущей в творчестве Бутру, а в основу его позиции легла идея контингентности. Этой теме посвящены две его основные работы: докторская диссертация «О контингентности законов природы», защищенная в Сорбонне в 1874 г., и книга 1895 г. «Об идее естественного закона в современных науке и философии» (текст лекций, прочитанных в Сорбонне в 1892–1893 гг.). Данные работы разделяет большой промежуток времени, и проблемы в них формулируются несколько по-разному, но основная их задача одна и та же: доказать, что в мире господствует отнюдь не жесткая необходимость, а контингентность и, соответственно, в научных законах существует определенная доля условности, которая возрастает по мере того, как мы поднимаемся от низших ступеней бытия, наиболее близких к материи, где сильнее всего проявляет себя детерминизм, до высших ступеней, где главную роль играет духовное начало с присущей ему свободой. Так, в диссертации читаем: «Во вселенной можно различить несколько миров, которые, как ярусы, возвышаются друг над другом. Над миром чистой необходимости, чистого количества без качества, который тождествен с небытием, находятся мир причин, мир понятий, мир математический, мир физический, мир живой и, наконец, мыслящий мир»¹⁶. Эта идея о иерархическом строении универсума восходит к учению Аристотеля о родах бытия; кстати, философии Стагирита Бутру в свое время посвятил курс лекций.

С самого начала Бутру задается вопросом: соответствует ли идея необходимой связи между явлениями, выработанная рассудком, тому, что наблюдается в реальности? Для науки контингентный факт – необработанное данное, которое нужно свести к известным законам. В ее глазах случайность – только мера нашего незнания. Но если это так, то все самопроизвольное ссылается в мир иллюзий, целесообразность оказывается только «субъективной репродукцией необходимого строя действующих причин» (с. 6), а чувство свободной воли сводится к незнанию причин наших действий. Признается лишь одна истинная причина, управляющая всем. С такой позицией Бутру не согласен. Используя кантовские термины, он утверждает, что «принципом необходимой связи вещей может быть только априорный

¹⁵ См. об этом: *Nye M.J. The Boutroux circle and Poincaré's conventionalism // Journal of the History of Ideas. 1979. Vol. 40. No. 1. P. 107–120.*

¹⁶ *Бутру Э. О случайности законов природы. С. 185.* Цитируя данное издание, мы заменяем термин «случайность» термином «контингентность», если в оригинале есть слово «contingence». При цитировании этой работы страницы будут указываться в тексте в круглых скобках.

причинный синтез» (с. 18), а далее доказывает, что все уровни бытия в разной степени не соответствуют этому условию. Познание бытия, полагал он, всегда опирается на опыт, а потому его нельзя свести к синтетическому суждению *a priori*. Эмпирическое бытие, данное как факт, не может быть источником закона причинности, предполагающего единообразие и неизменность; для бытия, напротив, характерна множественность разнородных и изменчивых явлений. «Реальность изменения, – пишет Бутру, – не менее очевидна, чем реальность постоянства... Таким образом, изменение есть основной закон, а постоянство – лишь его следствие» (с. 38). Развивая свое рассуждение, философ делает вывод: «Мы не можем сказать, что природа вещей вытекает из закона причинности. Для нас этот закон есть только самое общее выражение отношений, вытекающих из наблюдаемой природы данных вещей» (с. 32)¹⁷. Кроме того, отмечает Бутру, опыт явно противоречит утверждению науки о равенстве и эквивалентности между причиной и действием. Если следствие полностью тождественно причине, то оно не является следствием, а если отлично от нее, то имеет отчасти иную природу, и установить между ними эквивалентность и даже пропорциональность невозможно. (Заметим, что эта идея о нетождественности следствия причине стала позже одной из ключевых в бергсоновском понимании свободы, изложенном в «Опыте о непосредственных данных сознания».)

Итак, наука может полагать закон причинности в его абсолютной и абстрактной форме как практическое правило, но мир в его реальном существовании совершенно не обусловлен. Бытие, по Бутру, по сути контингентно, таковыми являются и все его формы, в том числе протяженность и движение. Родовые понятия, служащие упорядочению бытия, тоже налагаются на бытие контингентным образом. Законы, проистекая из опыта, не могут считаться необходимыми в теории; по образному выражению Бутру, «законы – это русло, по которому течет поток фактов; факты прорыли его, хотя они же ему и следуют» (с. 58). Так, один из основных законов, на которых базируется наука, – закон сохранения силы или энергии, – тоже, по Бутру, обусловлен опытом и является его обобщением. Дедуктивные науки, в большей мере опирающиеся на собственно математические принципы, имеют абстрактный характер, используют искусственные синтезы обедненных понятий, которые нельзя применить к самим вещам. К тому же любое количество, с которым имеет дело математика, связано с качеством, а оно всегда выражает некую неопределенность и изменчивость. А поскольку в физическом мире изменчивость превосходит постоянство, то в целом вполне можно допустить, что «в основных отношениях физических явлений в собственном смысле существует некоторая доля контингентности» (с. 105). Общие законы, а тем более входящие в них частные могут изменяться, а это значит, что «рушится все здание судьбы» (с. 106).

Рассмотрев сферы материи и физических явлений, Бутру переходит к исследованию процессов жизни и отмечает, что в органической материи, в отличие от неорганической, существует организация, представляющая собой индивидуализацию: «...живое существо заключает в себе новый, несводимый к физическим свойствам элемент: стремление к иерархическому порядку, к индивидуализации» (с. 113). Идею единого и разумного жизненного начала, с помощью которого объясняли, например, целесообразность, наблюдаемую

¹⁷ Перевод уточнен.

в сфере жизни, Бутру считает чисто метафизической и априорной, а не следующей из познания живых существ. Отношение жизни к физическим свойствам выясняется из опыта, а потому не может быть необходимым. Бутру подробно описывает действие законов, присущих живой материи, доказывая, что здесь тем более эти законы не носят необходимого характера. Философ приводит подробную аргументацию, на которой мы не можем здесь останавливаться; процитируем его вывод о том, что положительные законы в этой области «не предшествуют существам, а только выражают результат их взаимодействия» (с. 133).

Наконец, в главе «О человеке» Бутру обращается к проблеме сознания, критикуя как сведение психических функций к физиологическим, так и психофизиологический параллелизм. Сознание, как и другие высшие формы бытия, неподвластно чисто механическому объяснению, которое всегда является поверхностным и неудовлетворительным. Свойства жизни, служащие условиями сознания, не объясняются, по Бутру, только общими законами жизни, поскольку само сознание участвует в их реализации. Философ подчеркивает, что существование и действия человека вносят в природу изменения, необъяснимые с точки зрения физики и физиологии, что особенно проявляется в волевых действиях. В целом сознание в его сокровенных глубинах изменчиво, постоянно являет новые качества и не подпадает под количественные определения, а значит, делает вывод Бутру, несет в себе радикальную контингентность¹⁸.

Особый интерес представляет «Заключение» диссертации, где ее автор, подытоживая свои рассуждения, уже прямо вступает в область метафизики. Он отмечает, что по мере перехода к высшим формам бытия в них возрастает качественная неопределенность, причем эти формы не связаны с низшими необходимым образом, т.е. редукционизм здесь неприемлем. Необходимость, в трактовке Бутру, состоит только в количественном отношении причины к следствию, но чистого количества не существует, оно мыслимо только как мера качества. Нет такого закона качественных изменений, который не предполагал бы целесообразность, а она превосходит опыт. Абстрактный и фатальный порядок постепенно уменьшается, предоставляя место истинному порядку явлений, связанному с целесообразностью. Для Бутру, как и для Лашелье и Равессона, важна именно целесообразность как оппозиция жесткому детерминизму: каждая форма бытия реализует определенную цель, и между этими целями существует гармония. Бутру пишет в диссертации о «невидимой и вездесущей душе, которая приводит в движение пружины мира» (с. 201), о творческом принципе, действующем в мире наряду с принципом сохранения силы, энергии. Но эти представления, замечает философ, явно выходят за границы опыта, ведут в сферу метафизики, где выясняется вопрос о сути и истоках контингентности в природе. Она, по Бутру, в конечном счете объясняется божественной свободой, которая не может быть дана в опыте, но таким образом проявляется в мире. Явно возражая Канту, французский спиритуалист пишет: «...если учение о примирении

¹⁸ Приведем здесь суждение Бутру, прямо отсылающее к бергсоновскому «Опыту»: «Неподвижность является преобладающей чертой человеческой природы, а изменение, развитие или упадок; и история с этой точки зрения есть необходимый корректив статической психологии... Психическое следствие никогда не находит в условии своей полной причины и своего достаточного основания» (Там же. С. 171).

свободы и необходимости допускает неограниченную свободу, то оно должно поместить ее в таких высоких и удаленных от вещей сферах, что ее действительность теряется в пустоте» (с. 209). Только учение о контингентности, полагает он, благоприятствует идее о свободе как высшем начале, «которое нисходит из сверхчувственных сфер, чтобы вмешиваться в ход явлений и направлять их по непредвиденным путям» (Там же).

Итак, Бог, по Бутру, – не только творец мира, но и его промыслитель. Философ подчеркивает, что человек чувствует в себе свободу как бесконечную силу, а значит – творческую деятельность Бога, – когда практически реализует добро, выполняет свой долг. Бутру исходит здесь в своих рассуждениях из аналогии человеческой и божественной природ. Весь мир предстает для него как символическое подражание божественной природе. В целом главную мысль диссертации хорошо выражает следующее суждение Бутру: «Метафизика могла бы на почве, подготовленной учением о контингентности, создать учение о свободе. По этому учению, высшими началами вещей были бы также законы, но законы нравственные и эстетические, выражающие более или менее непосредственно Божественное совершенство, существующее ранее явлений и предполагающее деятелей, наделенных произвольностью» (с. 237). Иными словами, это законы, связанные, если вспомнить Аристотеля, не с действующими, а с конечными причинами, которыми Бутру считал добро и красоту. В лекции «Случайность или свобода?», прочитанной в Гарварде в 1910 г., он выразил это так: «Мир подчиняется иным законам, чем научные, законам свободы, единой с чувством и живым интеллектом»¹⁹.

Концепция контингентности Бутру, опиравшаяся на идею о прерывности, дисконтинуальности родов бытия, явно противоречила воззрениям эпохи, когда, по словам современника, «идея математической необходимости стала в некотором роде основой науки и философии наук»²⁰. Неудивительно, что диссертацию Бутру называли эпохальным событием, поворотом во французской философии. Его выступление против сциентизма неприятно удивило сторонников соответствующего понимания наук, но воодушевило тех, кто разделял его взгляды. Сам же он продолжал разрабатывать свою концепцию, выделяя в ней разные аспекты.

Если в диссертации Бутру проводит свой анализ применительно к родам бытия, последовательно рассматривая уровни неорганических тел, живых существ и, далее, человека, то в книге «Об идее естественного закона» акцент ставится на сами законы и, соответственно, задача формулируется так: изучить, философски истолковать и определить метафизическое и моральное значение идеи естественного закона. Как писал один из учеников Бутру, сходство и различие этой работы с диссертацией «в равной мере поучительны. На деле это одна и та же проблема с тем же решением. Но диссертация 1874 г. различала множество миров, которые образуют наложенные друг на друга ярусы, и подвергала сравнительному анализу понятия этих различных форм бытия, дабы показать, что невозможно связать высшие формы с низшими исходя из отношений необходимости. Это была дедукция и абстрактная критика. Лекции 1892 г. определяют идею науки

¹⁹ *Boutroux É.* Hasard ou liberté? // *Boutroux É.* La Nature et l'Esprit. Paris, 1926. P. 62.

²⁰ *Harpe J. de la.* L'idée de contingence dans la philosophie d'Émile Boutroux // *Revue de théologie et de philosophie.* 1922. Vol. 10. No. 43. P. 105.

в соответствии с реальными науками и их новейшими результатами. Метод более конкретен. В этой эволюции выражается общее движение умов»²¹, которому, добавляет далее автор, во многом способствовал сам Бутру. В лекциях, как и в диссертации, заметно влияние О. Конта, который, критически исследуя различные науки, подчеркивал несводимость законов высших областей к низшим. Как отмечает Л. Феди, «Бутру заимствует у Конта антиматериалистическую идею, согласно которой область любой науки несводима к предшествующей <в иерархии наук>. Тогда как низшие уровни, где закон доминирует над бытием, упорядочиваются посредством принципов сохранения, высшие уровни, где бытие господствует над законом, подчиняются принципам творчества, вплоть до той точки, в которой внеэмпирическая целесообразность добавляется в объяснении к механической причинности»²². Выполняя поставленную задачу – взять науки в качестве опорного пункта и получить от философии указания о способах истолкования их принципов и результатов, Бутру исследует по отдельности законы разных областей и стремится решить вопросы: 1) об их природе (различны ли они по всеобщности и сложности или появление новой группы означает введение нового философского принципа); 2) об их объективности (абсолютны они или только относительно, будучи не элементами, а символами реальности); 3) об их значении (реально ли в природе существует детерминизм или же он является нашим способом связывать вещи, чтобы превратить их в предметы мысли). Конечную цель своего исследования Бутру, как и в диссертации, видит в решении вопроса о том, может ли человек действовать свободно.

В лекциях он рассматривает законы разных наук – логики, математики, механики, физики, химии, биологии, психологии и, наконец, социологии, подчеркивая, что только знание конкретных законов может показать, в какой мере реализуется необходимость в природе. Так, логика, являя собой наиболее совершенный тип абсолютной необходимости, представляет, однако, минимум объективности: «Она правит на поверхности вещей, но не определяет их природу. Она остается истинной, какова бы ни была эта природа»²³. Законы математики, как и логические, близки к абсолютной необходимости, но тоже далеки от вещей и самой реальности и при этом выражают более общие отношения, чем логические. Логика и математика, отмечает Бутру, не вытекают исключительно из априорного или апостериорного знания. Они указывают на потребность ума рассматривать вещи как необходимо определенные, и с этой целью создают комплекс соответствующих символов. Вместе с тем Бутру не считает математику чистой конвенцией, простой игрой ума: математика, замечает он, прилагается к реальности, но следует выяснить, в каком

²¹ *Thamin R.* Portraits contemporains: Émile Boutroux // *Revue des Deux Mondes*. 1925. Vol. 27. No. 2. P. 381.

²² *Fedi L.* Bergson et Boutroux, la critique du modèle physicaliste et des lois de conservation en psychologie // *Revue de métaphysique et de morale*. 2001. Vol. 2. No. 30. URL: <https://www.cairn.info/revue-de-metaphysique-et-de-morale-2001-2-page-97.htm> (дата обращения: 20.12.2023). Как отмечает М.Дж. Най, Бутру, отчасти опираясь на идеи Конта, во многом ему противостоял: «...в то время как Конт выступал за синтез наук, который исключил бы метафизику как отдельное исследование, Бутру... встал на сторону Аристотеля и греков, рассматривая философию как высшее призвание человека, которое превосходит, а не просто синтезирует, методы наук» (*Nye M.J.* The Boutroux Circle and Poincaré's Conventionalism. P. 115).

²³ *Boutroux É.* De l'idée de la loi naturelle dans la science et la philosophie contemporaines. Paris, 1895. P. 19.

именно смысле и в какой мере. Чтобы это понять, он обращается к законам механики и физики и формулирует следующее положение: то, что есть математического в механических законах, не приложимо в точности к реальности, а то, что в них экспериментального, остается непознанным в своей природе и причине²⁴. Философ поясняет: мы наблюдаем в природе только отдельные, прерывистые моменты, а законы выражают континуальность; кроме того, законы предполагают точность, но опыт дает лишь приближительное знание, поскольку, в отличие от законов, имеет дело с бесконечным числом отношений. Бутру подчеркивает, что законы изменчивы, представление об их постоянстве мы не получаем из опыта, а добавляем к его данным: «Понятие закона – это результат нашего усилия адаптировать вещи к нашему уму»²⁵. А это значит, что законы естественных наук проистекают из взаимодействия ума и вещей. Они, по Бутру, не фиктивны и являются для науки направляющей идеей, но всегда остаются опытными и индуктивными, а значит, не абсолютными.

Продолжая свое рассуждение, философ характеризует фундаментальные законы любой науки как компромисс, который разум сумел установить между математикой и опытом. В биологии такой компромисс является уже более искусственным, чем в физике, и не только потому, что живое конкретное существо нельзя замкнуть в абстрактные рамки, но и потому, что благодаря эволюционным теориям в биологию вводится идея исторического закона, т.е. закона развития, что само по себе противоречит идее необходимости. Подвергая далее критике законы психологии в двух ее основных формах – ассоциативной психологии и психофизики, – Бутру показывает, что законы ассоциации гипотетичны, недостаточны для объяснения явлений и не могут обосновать детерминизм, а психофизика, намереваясь заменить описательную психологию подлинно научной, в конечном итоге отрицает действительность воли.

Опираясь на свою трактовку контингентности и подчеркивая долю условности, которую содержат научные законы, Бутру отмечает различие необходимости и детерминизма и предостерегает от их смешения: «...необходимость, – пишет он, – выражает невозможность для вещи существовать иначе, чем она есть; детерминизм выражает совокупность условий, в силу которых явление должно полагаться таким, каким оно есть, со всеми его способами бытия»²⁶. И далее автор показывает, что при переходе от низших к высшим формам бытия детерминизм становится все более гибким, все больше ограничивается и смягчается. Согласно идее необходимости, природа вещей неизменна, а законы суть отношения, которые из этого следуют. Но, как подчеркивал Бутру еще в диссертации, природа вещей изменчива, что особенно проявляется при переходе к высшим уровням бытия, и законы связывают друг с другом всегда изменяющиеся элементы. А это опять-таки означает, что законы детерминизма не могут претендовать на абсолютную точность и строгость. Стало быть, делает вывод философ, необходимость и детерминация – разные вещи, и современной науке не удастся сплавить их в единство.

²⁴ См.: Ibid. P. 51.

²⁵ Ibid. P. 38.

²⁶ Ibid. P. 58.

Подытоживая свое исследование, Бутру выделяет два рода законов: первые больше связаны с математикой и предполагают прояснение понятий; вторые стоят ближе к наблюдению и простой индукции. Первые выражают строгую необходимость, но остаются абстрактными и не могут определить в деталях способ эффективной реализации явлений. Вторые касаются деталей и отношений между сложноорганизованными комплексами; но, опираясь только на опыт и соединяя разнородные элементы, они не могут быть необходимыми. И здесь философ подходит к главному своему выводу: только верное понимание закона показывает человеку, что его свобода может быть действенной и управлять явлениями. Мы видим, что в лекциях, как и в диссертации, рассуждение нацелено на обоснование человеческой свободы, выведение ее из-под власти необходимости.

Лейтмотивом работ Бутру звучит мысль о том, что при всей автономии философских наук (психологии, философии науки, социологии и др.) они должны развиваться в сотрудничестве и гармонии, а главное, это развитие должно соответствовать «потребности судить о вещах с точки зрения всеобщности, соотносить наши мысли и действия с идеей единого целого (du tout) и подлинного бытия, что и называют собственно философским духом»²⁷. Как отмечали современники, критика наук не ведет Бутру ни к релятивизму, ни к прагматизму, «она не подрывает научное знание, но уточняет его предмет и границы»²⁸. В этом плане интересен его доклад на Международном философском конгрессе в Болонье (1911) «Об отношении философии к науке». Здесь читаем: «Концепция философии, понимаемой как автономное и свободное (contingent) развитие разума, размышляющего над наукой и жизнью, вполне совместима с существованием и авторитетом науки... С одной стороны, эта философия отлична от науки и находится в совсем иной плоскости; с другой стороны, открытая для воздействия науки, она никогда не сможет ни противоречить ей, ни игнорировать ее»²⁹. Бутру считал инструментом философии разум, понимаемый в широком смысле как человеческое мышление (intelligence), взятое в самой его глубине – там, где оно объединяется с действительностью и с жизнью. Научное же мышление, которое, выделяя себя из жизни, анализирует ее, есть производная и «искусственно-построенная форма мышления», как писал Бутру в статье «Наука и философия»³⁰. Он часто повторял, что человек – не аномалия в природе, а часть ее, и потому, обратившись к собственному сознанию, может по аналогии понять многое из того, что характерно для природы и что наука замечает, но не способна объяснить: например, изменчивость, творчество и непредвидимую новизну, существующую в природном мире. А разум

²⁷ *Boutroux E. Allocution // Bibliothèque du Congrès international de Philosophie. Vol. 1: Philosophie générale et métaphysique. Paris, 1900. P. XVIII.* Выступая на первом Международном философском конгрессе в Париже, Бутру подчеркнул, что видит в реализации этого философию будущего, в создании которой объединят усилия представители разных философских дисциплин.

²⁸ *Thamin R. Portraits contemporains: Émile Boutroux. P. 382.*

²⁹ *Бутру Э. Об отношении философии к науке. С. 53–54.*

³⁰ *Бутру Э. Наука и философия. С. 72, 76.* По словам М.Дж. Най, «Бутру, подобно Аристотелю, отличал низшую форму разума, направленную на понимание того, что мы называем грубыми механизмами природы, от высшего разума, “нуса”, направленного на понимание причины (purpose), добра и целесообразности во вселенной» (*Nye M.J. The Boutroux Circle and Poincaré's Conventionalism. P. 115*).

в его широком понимании, разум как дух, показывает и нечто большее: «...в самом человеческом разуме, каким он создан в соприкосновении с вещами, – читаем в работе «Наука и религия в современной философии», – начертано утверждение некоей невидимой реальности, высшей по отношению ко всему тому, что нам может быть дано в опыте»³¹. Именно философия смотрит не только вовне, на вещи или науки, но и в глубины человеческого сознания, и при этом, интерпретируя результаты науки и внешнего наблюдения через данные сознания, она должна получить, как утверждал Бутру в курсе лекций о Канте, «сколь возможно ясную и глубокую идею того, что составляет внутреннюю суть вещей»³². Именно в этом, по Бутру, и состоит прерогатива философии, для которой ведущим в познании является принцип контингентности.

По словам Д. Жилия, в концепции Бутру «контингентность предстает не только как факт, но как абсолютный принцип объяснения, в котором нуждается как наука, так и всякая свободная деятельность, потому что он является первым принципом природы и духа – принципом, который делает возможным отношение духа к природе»³³. Именно этот принцип, по Бутру, позволяет определить собственную роль философии и вновь вернуть метафизике ее значение, поставленное под сомнение позитивизмом. Как замечает Мишель Эспань, Бутру, опираясь на кантианство, спасает спиритуализм ценой утверждения о существовании контингентности в законах природы³⁴. В самом деле, Бутру, верно уловив запросы времени и обратившись к проблемам эпистемологии, обозначил новые перспективы философии духа, которые особым образом реализовались в творчестве Бергсона и ряда его последователей (к примеру, Эдуара Леруа).

В обосновании идеи об условности законов природы Бутру стал предшественником Анри Пуанкаре и Эдуара Леруа, хотя саму условность все три автора понимали несколько по-разному³⁵. Влияние Бутру современные исследователи усматривают и в дальнейшей истории французской философии науки. Как отмечает Д.Н. Дроздова, Бутру наследует кантовское представление о категориальном аппарате мышления, который позволяет осмыслить и структурировать наш опыт при помощи собственных, не выводимых из опыта, категорий, но при этом сам оказывается способным к изменению под воздействием опыта. Исследовательница поясняет: «Заложенный, но не проговоренный в работах Бутру потенциал исторического обращения к теме априорных структур рационального познания был воспринят и развит последующей французской эпистемологической мыслью, для которой характерно обращение к истории науки как к лаборатории эпистемологического анализа»³⁶.

³¹ Бутру Э. Наука и религия в современной философии. С. 86.

³² Boutroux É. La philosophie de Kant. P. 270.

³³ Gil D. La philosophie de la nature d'Émile Boutroux. URL: <https://books.openedition.org/psorbonne/15333> (дата обращения: 10.11.2023).

³⁴ Espagne M. L'Allemagne d'Émile Boutroux // Cahiers d'études germaniques. 2001. No. 41. P. 207.

³⁵ См.: Блауберг И.И. Эдуар Леруа // Западная философия XX–XXI вв. Интеллектуальные биографии. М.; СПб., 2022. С. 16–17.

³⁶ Дроздова Д.Н. Преломления a priori во французской мысли: Эмиль Бутру и Элен Мещжер. С. 50.

Таким образом, Эмилио Бутру удалось решить две взаимосвязанные задачи, которые он перед собой ставил, что, безусловно, повлияло на философскую ситуацию эпохи: во-первых, он способствовал обновлению спиритуализма как философии духа, которая еще долгое время была одним из важнейших направлений французской мысли; во-вторых, внес вклад в развитие эпистемологии, осмысляя суть и значение законов природы и науки.

Список литературы

- Блауберг И.И.* Эдуар Леруа // Западная философия XX–XXI вв. Интеллектуальные биографии / Отв. ред. И.Д. Джохадзе. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. С. 8–26.
- Бутру Э.* О случайности законов природы / Пер. с фр. под ред. П.П. Соколова. М.: Тип. Д.А. Бонч-Бруевича, 1900.
- Бутру Э.* Наука и философия / Пер. с фр. // Логос. 1910. № 1. С. 62–85.
- Бутру Э.* Об отношении философии к науке / Пер. с фр. П.С. Юшкевича // Новые идеи в философии. Сб. 1. СПб.: Образование, 1912. С. 29–54.
- Бутру Э.* Вильям Джемс и религиозный опыт / Пер. с фр. под ред. Н.М. Соловьева. М.: Творческая мысль, 1908.
- Бутру Э.* Паскаль / Пер. с фр. Е.В. Лавровой. СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1901.
- Бутру Э.* Наука и религия в современной философии / Пер. с фр. под ред. Н.М. Соловьева. М.: Творческая мысль, 1910.
- Дроздова Д.Н.* Преломления а priori во французской мысли: Эмиль Бутру и Элен Мецжер // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2013. № 15. С. 41–56.
- Кротов А.А.* Философия Мен де Бирана. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.
- Annales bergsoniennes. III: Bergson et la science / Éd. par F. Worms. Paris: PUF, 2007.*
- Boutroux É.* Allocution // Bibliothèque du Congrès international de Philosophie. Vol. 1: Philosophie générale et métaphysique. Paris: Armand Colin, 1900. P. XI–XXII.
- Boutroux É.* De l'idée de la loi naturelle dans la science et la philosophie contemporaines. Paris: Alcan, 1895.
- Boutroux É.* Hasard ou liberté? // *Boutroux É.* La Nature et l'Esprit. Paris: Vrin, 1926. P. 51–62.
- Boutroux É.* La philosophie de Kant. Cours professé à la Sorbonne en 1896–1897. Paris: Vrin, 1926.
- Boutroux É.* La philosophie en France depuis 1867 // Revue de métaphysique et de morale. 1908. T. 16. No. 6. P. 683–716.
- Bréhier É.* Notice sur la vie et les travaux de Henri Bergson. Séance du 11 mars 1946. URL: <https://academiesciencesmoraletespolitiques.fr/1946/03/11/notice-sur-la-vie-et-les-travaux-de-henri-bergson> (дата обращения: 15.01.2024).
- Brunschvicg L.* La philosophie d'Émile Boutroux // Revue de métaphysique et de morale. 1922. T. 29. No. 3. P. 261–283.
- Capeillères F.* Généalogie d'un néokantisme français à propos d'Émile Boutroux // Revue de métaphysique et de morale. 1998. No. 3. P. 405–442.
- Espagne M.* L'Allemagne d'Émile Boutroux // Cahiers d'études germaniques. 2001. No. 41. P. 199–215.
- Fedi L.* Bergson et Boutroux, la critique du modèle physicaliste et des lois de conservation en psychologie // Revue de métaphysique et de morale. 2001. Vol. 2. No. 30. P. 97–118. URL: <https://www.cairn.info/revue-de-metaphysique-et-de-morale-2001-2-page-97.htm#no36> (дата обращения: 20.12.2023).
- Gil D.* La philosophie de la nature d'Émile Boutroux // Philosophies de la nature / Sous la dir. O. Bloch. Paris: Editions de la Sorbonne, 2019. P. 333–343. URL: <https://books.openedition.org/psorbonne/15333> (дата обращения: 10.11.2023).
- Harpe J. de la.* L'idée de contingence dans la philosophie d'Émile Boutroux // Revue de théologie et de philosophie. 1922. Vol. 10. No. 43. P. 103–125.

- Nye M.J. The Boutroux circle and Poincaré's conventionalism // *Journal of the History of Ideas*. 1979. Vol. 40. No. 1. P. 107–120.
- Thamin R. Portraits contemporains: Émile Boutroux // *Revue des Deux Mondes*. 1925. Vol. 27. No. 2. P. 372–401.

The concept of contingency and its significance in the philosophy of Emile Boutroux

Irina I. Blauberger

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: irinablauberger@yandex.ru

The article examines the concept of contingency of nature and scientific laws, put forward and set forth in a number of works by the French spiritualist philosopher Emile Boutroux (1845–1921). The principle of contingency became for him an important tool in solving complex interrelated problems: 1) to substantiate spiritualism, including its key idea of freedom, based on the scientific knowledge of the era in which issues of philosophical epistemology were becoming increasingly important; 2) thereby contribute to the revival of metaphysics, which was threatened with marginalization due to the promotion of the ideas of positivism and scientism. Considering the hierarchy of genera, or levels of being, as well as the laws corresponding to them, Boutroux sought to prove that the world is not dominated by rigid necessity, but by contingency. Accordingly, in scientific laws there is a certain amount of convention, which increases as one moves from the lower stages of being, those closest to matter, where determinism manifests itself most strongly, to the highest levels, where the main role is played by the spiritual principle with its inherent freedom. It is this freedom, which cannot be comprehended in experience, that is expressed in contingency, which is a characteristic feature of being. Thus, the principle of contingency appears in Boutroux's concept as the main principle of knowledge and explanation in philosophy, which allows metaphysics to return its meaning, denied by positivism, and to substantiate human freedom.

Keywords: French philosophy, spiritualism, Emile Boutroux, contingency, epistemology

For citation: Blauberger, I.I. "Kontseptsiya kontingentnosti i ee znachenie v filosofii Emilya Boutroux" [The concept of contingency and its significance in the philosophy of Emile Boutroux], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2024, Vol. 17, No. 3, pp. 5–19. (In Russian)

References

- Blauberger, I.I. "Edouard Le Roy", *Zapadnaya filosofiya XX-XXI vv. Intellektual'nye biografii* [Western philosophy of the 20th – 21st centuries. Intellectual biographies], ed. by I.D. Dzhokhadze. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2022, pp. 8–26. (In Russian)
- Boutroux, É. "Allocution", *Bibliothèque du Congrès international de Philosophie, Vol. 1: Philosophie générale et métaphysique*. Paris: Armand Colin, 1900, pp. XI–XXII.
- Boutroux, É. *De l'idée de la loi naturelle dans la science et la philosophie contemporaines*. Paris: Alcan, 1895.
- Boutroux, É. "Hasard ou liberté?", in: É. Boutroux, *La Nature et l'Esprit*. Paris: Vrin, 1926, pp. 51–62.
- Boutroux, É. "La philosophie en France depuis 1867", *Revue de métaphysique et de morale*, 1908, Vol. 16, No. 6, pp. 683–716.
- Boutroux, É. *La philosophie de Kant. Cours professé à la Sorbonne en 1896–1897*. Paris: Vrin, 1926.

- Boutroux, É. *Nauka i religiya v sovremennoi filosofii* [Science and religion in modern philosophy], trans. ed. by N.M. Solov'ev. Moscow: Tvorcheskaya mysl' Publ., 1910. (In Russian)
- Boutroux, É. "Nauka i filosofiya" [Science and philosophy], *Logos*, 1910, No. 1, pp. 62–85. (In Russian)
- Boutroux, É. "Ob otnoshenii filosofii k nauke" [On the relation of philosophy to science], trans. by P.S. Yushkevich, *Novye idei v filosofii* [New ideas in philosophy], Coll. 1. St. Petersburg: Obrazovanie Publ., 1912, pp. 29–54. (In Russian)
- Boutroux, É. *O sluchainosti zakonov prirody* [On the contingency of the laws of nature], trans. ed. by P.P. Sokolov. Moscow: D.A. Bonch-Bruevich Publ., 1900. (In Russian)
- Boutroux, É. *Pascal*, trans. by E.V. Lavrova. St. Petersburg: L.F. Panteleev Publ., 1901. (In Russian)
- Boutroux, É. *William James i religiozniy opyt* [William James and religious experience], trans. ed. by N.M. Solov'ev. Moscow: Tvorcheskaya mysl' Publ., 1908. (In Russian)
- Bréhier, É. *Notice sur la vie et les travaux de Henri Bergson*, Séance du 11 mars 1946 [<https://academicienscencesmoralesetpolitiques.fr/1946/03/11/notice-sur-la-vie-et-les-travaux-de-henri-bergsong>], accessed on 15.01.2024].
- Brunschvicg, L. "La philosophie d'Émile Boutroux", *Revue de métaphysique et de morale*, 1922, Vol. 29, No. 3, pp. 261–283.
- Capeillères, F. "Généalogie d'un néokantisme français à propos d'Émile Boutroux", *Revue de métaphysique et de morale*, 1998, No. 3, pp. 405–442.
- Drozdova, D.N. "Prelomleniya a priori vo frantsuzskoi mysli: Emile Boutroux i Hélène Metzger" [Interpretations of meaning a priori in French thought: Emile Boutroux and Hélène Metzger], *Mysl': Zhurnal Peterburgskogo filosofskogo obshchestva* [Thought: Journal of the St. Petersburg Philosophical Society], 2013, No. 15, pp. 41–56. (In Russian)
- Espagne, M. "L'Allemagne d'Émile Boutroux", *Cahiers d'études germaniques*, 2001, No. 41, pp. 199–215.
- Fedi, L. "Bergson et Boutroux, la critique du modèle physicaliste et des lois de conservation en psychologie", *Revue de métaphysique et de morale*, 2001, Vol. 2, No. 30, pp. 97–118 [<https://www.cairn.info/revue-de-metaphysique-et-de-morale-2001-2-page-97.htm#no36>], accessed on 20.12.2023].
- Gil, D. "La philosophie de la nature d'Emile Boutroux", *Philosophies de la nature*, sous la dir. O. Bloch. Paris: Editions de la Sorbonne, 2019, pp. 333–343 [<https://books.openedition.org/psorbonne/15333>], accessed on 10.11.2023].
- Harpe, J. de la. "L'idée de contingence dans la philosophie d'Émile Boutroux", *Revue de théologie et de philosophie*, 1922, Vol. 10, No. 43, pp. 103–125.
- Krotov, A.A. *Filosofiya Men de Birana* [Philosophy of Maine de Biran]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 2000. (In Russian)
- Nye, M.J. "The Boutroux circle and Poincaré's conventionalism", *Journal of the History of Ideas*, 1979, Vol. 40, No. 1, pp. 107–120.
- Thamin, R. "Portraits contemporains: Émile Boutroux", *Revue des Deux Mondes*, 1925, Vol. 27, No. 2, pp. 372–401.
- Worms, F. (ed.) *Annales bergsoniennes, III: Bergson et la science*. Paris: PUF, 2007.